

Журнал «Огонек»

№6, 1959

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж92

Ж92 Журнал «Огонек»: №6, 1959 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-458-70187-7

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70187-7

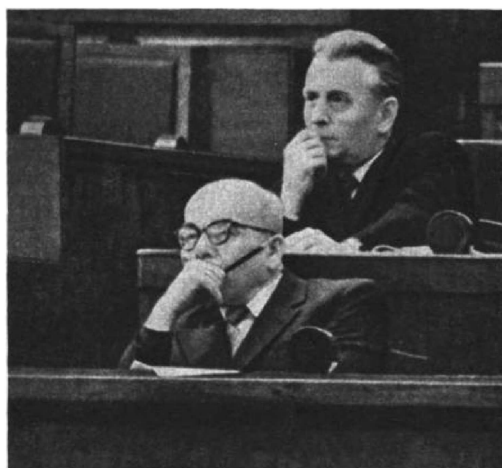
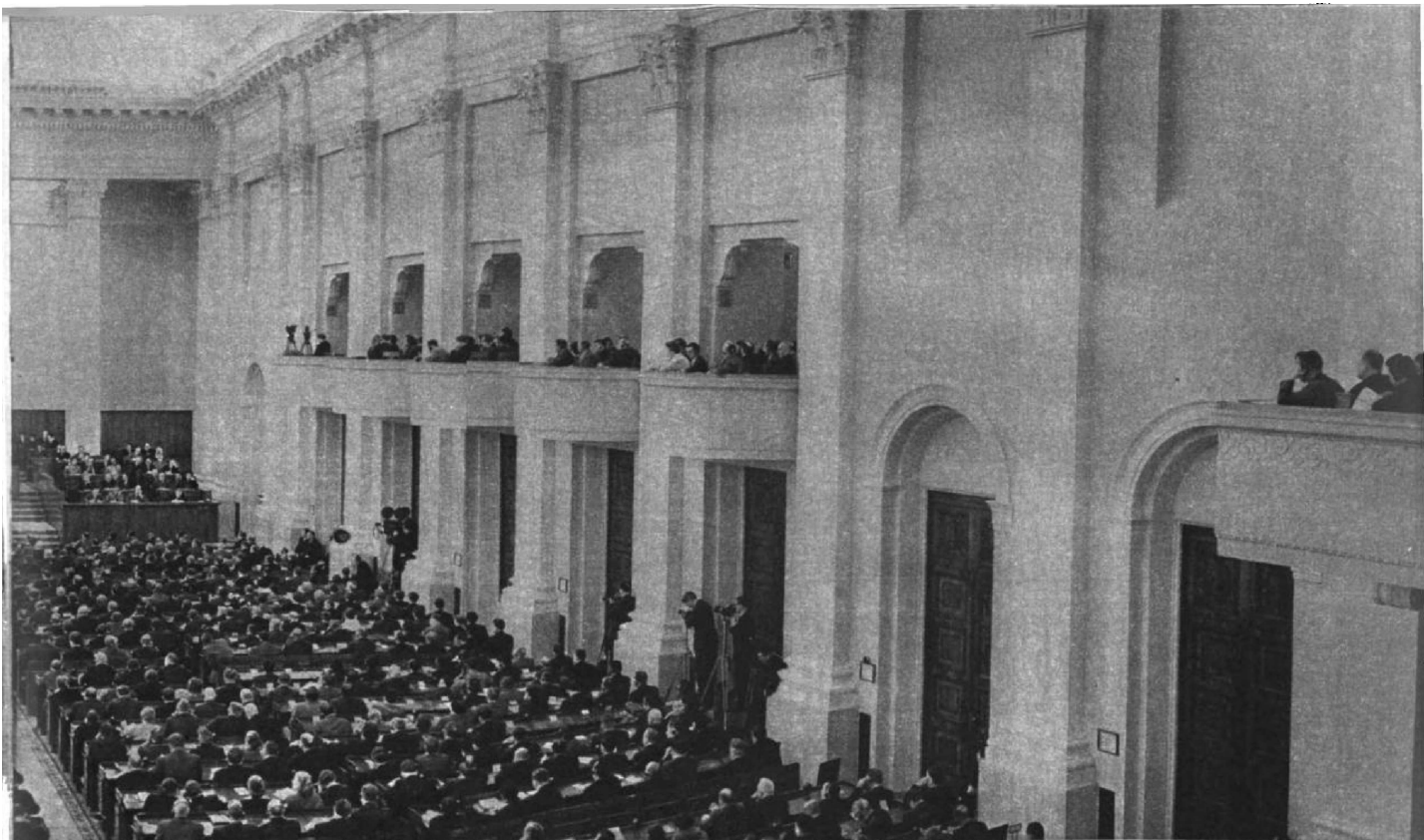
© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава делегации Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка и глава делегации Коммунистической партии Чехословакии Антонин Новотный в зале заседаний.

Член делегации Коммунистической партии Индонезии член парламента Сухарти познакомилась на съезде с колхозницей из Киргизии Керимбюбю Шопоковой.

Сидя в зале заседаний, я думаю о своих хороших, трудолюбивых, низзерастодных спутниках. Они из той породы людей, которые своими руками преобразили одну шестую часть планеты. Это неважный кусок. Люди этой породы, вадные Лениными ЦИ, только за последние годы совершили такие подвиги, которые заставили даже многих наших надменных недоброжелателей из-за рубежа смотреть на вещи трезво. Самое примечательное в нашей современной жизни — это дух самого времени. Это — полное слияние в человеческой душе высоких порывов и суровому подаянгу во имя общества, дерзкой творческой фантазии с ощущением красоты и добра. И не случайно в первый же вечер по приезде в столицу мои земляки с ферм и промыслов, из цехов и с полей, со строев и лабораторий разошлись по театрам и концертным залам. Все это давно перестало быть для людей труда просто любопытным, а стало внутренней потребностью, как сам труд.

В романах башкирского писателя С. Агиша «Фундамент», в том весте, где описываются события двадцатых годов, крестьяне спорят о театре понаслышке. Одни говорят, театр — это то, когда перед публикой бьют друг друга палками два чудака. Другие утверждают, что это тени, которые выбегают из волшебного аппарата и плещут на стене. Третьи склонны думать, что никакого театра вообще нет, что все это выдумка бездельников и балагуров. А теперь трудно было бы найти взрослого человека, который не видел бы спектаклей или Башкирского академического, или оперного, или передвижных профессиональных театров.

В краю тех крестьян-шаловеров теперь созданы не только заводы и электростанции, нефтепромыслы и угольные копи, не только поднялись там хлеба и выросли сады, но и людям на службу пришли университет и институты, филиал Академии наук СССР и поэзия, электротелевидение и телевизор. В деревнях становится так, как в городе. Приведу лишь одну цифру. По уровню промышленного производства по сравнению с 1913 годом республика только в минувшем году ушла вперед на целых сто пятьдесят лет. Вот «танцами судьбы» приехали мы, посланцы этой республики, на XXI съезд.

Перед нами сидят наши добрые соседи челябинцы, с нем мы делим хлеб-соль, радость и заботы. С ними нас соединяет наше общее современное, наш общий хребет — Урал. На той горе башкиры и русские вместе новали оружие против рабства и угнетения, а теперь вместе кулет свое счастье, заводит, счастье страны. И поэтому прославленный машинист экскаватора Герой Социалистического Труда Клавдия Шенкулова из Банальского рудника и передовой доярка башкирского колхоза «Киндыш» Миникамал Мухаметова, сиретарь Уфимского горнозавода Марван Янгиров и почетный шахтер Герой Социалистического Труда из Иппейсна Петр Томилов каждое утро приветствуют друг друга как давнишние друзья.

В величественном зале в едином ритме бьются горячие сердца коммунистов, полных отваги и высоких порывов. Сюда пришли коммунисты Юга и Севера, Востока и Запада. Та же единая грядущая судьба человечества, которую мы называем гордым и светлым именем Коммунизм, привела на наш съезд братьев по идее и борьбе из семидесяти зарубежных марксистско-ленинских партий. Среди них много вождей и выдающихся деятелей международного коммунистического движения, как Чжоу Энь-лай и Пальмиро Тольятти, Гарри Поллит и Долорес Ибаррури, Владислав Гомулка и Эмвер Хорка, Жан Дюноа и Ким Ир Сен...

Спустя три года я снова увидел согревающую улыбку и почувствовал тепло рук товарища Хо Ши Мина, мудрого вождя своего героического вьетнамского народа. Тогда он нас, работников советского искусства, по-отечески ласково встретил там, в далеком знойном Ханое... Вот сейчас на какое-то мгновение вспомнились ослепительное тропическое солнце, загорелые лица друзей, шум горных рек. Особенно отчетливо встала перед глазами пальма в центре города с побитыми ураганом ветвями. Сила жизни необорима. Пальма, считающаяся символом долголетия, рядом с погибшими ветвями дала молодые буйные побеги. Ее удел, мне казалось, схож с уделом самого вьетнамского народа, который прошел почти вековую колонизацию и последнюю восьмилетнюю страшную войну и который выжил и победил. Его четырехлетние побеги уже дают хорошие плоды. На берега реки Красной большими шагами идет изобилие; на тех равнинах, где французскими колонизаторами была создана белая зона пустыни, зазеленели рисовые поля. Но пона Вьетнам похож на птицу, одно крыло которой освещено светом востока, другое — покрыто мраком ночи. Нам Бо — прекрасный Юг — стонет под тяжестью оков. Вот почему в глазах вождя есть и тень глубокой печали.

Многие гости приехали из стран, где бродит призрак голода и нищеты, где достоинство трудового человека попирается властью и произволом уходящего мира. Но они привезли с собой негасимую веру в победу и торжество лучшей жизни для всего трудового мира.

Под вышущимся флагом этой единой веры продолжает свою работу XXI внеочередной съезд, решающий сугубо очередные задачи нашего наступательного движения вперед. Он проходит в атмосфере, согретой и озаренной великими помыслами. В день открытия съезда, когда Никита Сергеевич Хрущев начал говорить о тяжелой индустрии, вдруг за окнами засияло солнце, которое с утра пряталось за хмурые тучи. В зал ворвались по-весеннему молодые лучи. Докладчик на секунду остановился и, взглянув на окно, сказал: — Солнце освещает путь нашей семье. Пусть это засвидетельствуют присутствующие здесь иностранные журналисты.

Сейчас на душе народа и в стране, говоря одним словом, солнечно. Так и будет!

МАНИФЕСТАЦИЯ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ЧУВСТВ

С. КАРНОВ

Машины и политика

Завод Форда в Детройте... На одном конвейере идет одновременная сборка машин различных типов и различной окраски. Для того, чтобы этот сложный процесс шел без перебоев, требуется отличная организация подсобных, смежных конвейеров, доставляющих детали для установки на раму. Американцы достигли многого в деле организации производственного процесса, и они были рады услышать это от А. И. Микояна, посетившего заводы Форда и другие автомобильные предприятия Детройта во время пребывания в США.

Вместе с тем на ум тотчас же приходит то, что высокой организации производственного процесса в автомобильной промышленности сопутствует высокая безработица. Ведь широко известно, что безработица поразила глубже всего именно Детройт — город автомобилестроителей.

Картина высокого технического уровня напоминает об исключительно благоприятных условиях, в которых происходило развитие страны. На территории Соединенных Штатов в течение почти 100 лет не было ни одной войны. Войны же за пределами страны приносили лишь новые заказы промышленности; новые прибыли предпринимателям, все новое расширяло производство.

Некоторые американцы подчас смотрят на другие народы свысо-

ка: мы богаче всех — значит, мы лучше всех. За последнее время им приходится невольно пересматривать эту привычку для них точку зрения. Советские спутники Земли, советская искусственная планета, вращающаяся вокруг Солнца, грандиозные предначертания семилетнего плана — все это поколебало их уверенность в превосходстве заокеанской державы над всем миром. Это неизменно чувствовалось в разговорах, которыми немало было у А. И. Микояна с американцами.

Не будет ошибкой сказать, что понимание успехов социалистической державы играет весьма заметную роль в настроениях самых разнообразных слоев населения США. Народ Соединенных Штатов не хочет войны и хотел бы быть уверенным в том, что ее не будет. Большая часть американских капиталистов сегодня начинает понимать, что в случае войны им не приходится рассчитывать, как раньше, на «традиционный» расцвет бизнеса, что ему скорее грозит гибель в огне войны. Поэтому многие ведущие промышленники США начинают проявлять более здоровый и реалистический подход к вопросам международной политики. Один из крупнейших капиталистов заявил, например, при встрече с А. И. Микояном, что необходимость признания Китайской Народной Республики осознается очень многими деловыми людьми, но трудно добиться решения этого вопроса в правительственных кругах.

На автозаводе в Детройте.

Но это политика. А каковы американцы в личном общении с советскими людьми?

Американцы дружелюбны и гостеприимны

То, что простые люди Америки оказывали теплое и искреннее гостеприимство А. И. Микояну, — непреложный факт, который не смогли не отметить даже некоторые мало обрадованные этим визитом органы печати. Приветливость американцев устояла перед натиском проповедников «холодной войны».

Конечно, не явилась неожиданностью теплая встреча А. И. Микояна в семье Сайруса Итона. После вручения тройки, подаренной Сайрису Итону Советским правительством, и после того как ферму «Акадия» покинула армия жадных до сенсации корреспондентов, незаметно пролетел вечер за дружеской беседой. С. Итон и его жена вспоминали о поездке в СССР, делились своими впечатлениями.

Столь же сердечно принимал А. И. Микояна в Детройте президент электрической компании «Эдисон» г-н Сислер, побывавший в Советском Союзе. Сислер председательствовал на обеде с

участием ведущих бизнесменов, журналистов и общественных деятелей Детройта. В центре стола стояли два флага — советский и американский — как символ дружеской и непринужденной атмосферы, в которой проходил обед. Но особенно показательным, как отнеслись к гостю из СССР рабочие на заводах, служащие в гостиницах и учреждениях, просто прохожие: здесь было не только простое любопытство, а и желание вступить в сердечный разговор. И беседам всегда сопутствовала улыбка.

Студенты Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе вели себя так, словно они юноши и девушки с Ленинских гор.

Когда самолет, в котором возвращался А. И. Микоян, очутился на военно-морской базе Арджентия, американские офицеры и их жены долго и дружески беседовали с неожиданным гостем и обучали его игре на гитаре.

Исключительным радушием была проникнута встреча А. И. Микояна с знакомым советским людям пианистом Ваном Клиберном. Молодой музыкант специально прилетел из Нью-Йорка в Вашингтон, чтобы присутствовать на прощальном приеме в советском посольстве. Когда он появился среди гостей и подошел к А. И. Микояну, корреспонденты начали буквально сбивать друг друга с ног, стараясь занять наиболее выгодную «позицию». Ван Клиберн рассказал, что после поездки в СССР к нему продолжают поступать приглашения выступить с концертами в городах США. До своего визита в СССР он даже не представлял себе, что в США так много любителей классической музыки! Когда Ван Клиберн играл «Подмосковные вечера», весь состав посольства подпевал ему.

Ван Клиберн просил А. И. Микояна передать сердечный привет Н. С. Хрущеву. Он сказал, что рассчитывает этой весной вновь приехать в Советский Союз.

Мало знают об СССР

Мы уже сказали, что радушием обычно сочеталось с большой любознательностью. И это вполне понятно. Американцы очень мало знают о нашей стране.

Характерен разговор, который имел один из участников поездки с нью-йоркским дельцом во время обеда в отеле Уоллдорф-Астория, устроенного Экономическим клубом, где А. И. Микоян выступал с

В Чикаго.

Голливуд. На студии кинокомпании «Парамаунт». Слева — киноактеры Джерри Льюис и Дина Мерилл.

речью и отвечал на вопросы. Пока на сцене, за столом почетных гостей, организаторы обеда беседовали с А. И. Микояном и индийским послом Чаглу, этот делец начал свое маленькое интервью со спутниками советского гостя со следующего «вопроса»: где советские люди достают сигареты? Он был очень удивлен, узнав, что сигареты можно в СССР просто купить в магазинах и в уличных киосках. Тогда он стал интересоваться, существует ли в Москве телевидение. Наконец, он был совершенно поражен, когда выяснил, что в СССР частным лицам продаются автомашины. Нью-Йоркский делец глубоко задумался и потом согласился с замечанием собеседника о том, что ему следовало бы посетить СССР...

О посещении Советского Союза приходилось слышать от американцев самые разнообразные мнения. Некоторые заявляли, что... боятся ехать в Советскую страну: не надеются, мол, вернуться живыми и здоровыми. В этом открыто признавалась, например, жена одного крупного промышленника, да и многие другие. Есть люди, искренне верящие распространенным печатным басням, что СССР, отгородившись якобы «железным занавесом», не пускает к себе туристов. Они были просто поражены, услышав от А. И. Микояна, что за 1958 год ни один американский турист не получил отказа в визе, которая выдается обычно в течение пяти — семи дней.

О грандиозном экономическом и культурном развитии, которое происходит в нашей стране, многие американцы знают очень смутно. О семилетнем плане наши собеседники знают лишь то, о чем трубят газеты: это «экономическая война» со стороны Советского Союза. Никто из них, правда, не мог объяснить, почему задача производить столько же молока и мяса, сколько производят США, — это признак агрессивности.

Один профсоюзный лидер с серьезным видом и, видимо, надеясь поставить А. И. Микояна в трудное положение, торжественно спросил: гарантируется ли ему возможность смотреть то, что он захочет, без помех и слезки со стороны милиции? Он, видимо, не ожидал ответа, что, исключая оборонные объекты, туристы смотрят в СССР все, что их интересует.

Сплошь и рядом американцы — даже те, кто мог бы проявить большую осведомленность, — задавали наивные вопросы, застав-

ляющие советских собеседников сдерживать улыбку. Иногда трудно было удержаться от смеха. Невольно вставал вопрос: почему в некоторых газетах, печатающихся на шестидесяти страницах, так и не находится уголка для информации о жизни в СССР? И почему там всегда есть очень много места для антисоветской клеветы?

Советский человек, приезжающий в США, обнаруживает, конечно, много нового для себя; но его представление о стране, составленное по книгам и прессе, не опрокидывается, а дополняется. Американцы же, не побывавшие в нашей стране, как правило, имеют о ней, мягко говоря, смутное представление.

Тем более отродно было видеть, какой большой и жадный интерес проявляют представители самых различных слоев населения к нашей стране. Приятно было узнать, например, что дочь президента Кливлендской торговой палаты изучает русский язык. Отец ее просил участников поездки А. И. Микояна прислать учебник русского языка для иностранцев. В Лос-Анжелесе некоторые студенты понимают и даже говорят по-русски. Насколько человек сказал о своем намерении приехать в СССР учиться. Один из них интересовался, сможет ли он у нас найти работу, так как у него нет денег для платы за обучение. Ему сказали, что если его план осуществится, то он будет получать стипендию. Он был приятно поражен.

Пресса

Перед нами — еженедельный журнал «Ньюсуик», вышедший за несколько дней до Нового года. Специальная статья, посвященная предстоящему визиту А. И. Микояна в США, обрушивается в злобном тоне на Советский Союз. Журнал призывает к недоверию, к подозрительности, к возможно меньшему сближению с нашей страной. Кому служит этот журнал и чье мнение он отражает? «Ньюсуик» выступал в таком тоне, словно большинство американцев стоит за «холодную войну», за враждебность к СССР. Прошло всего несколько дней пребывания А. И. Микояна в США — и стало ясно, что враждебные высказывания целиком лежат на совести издателя журнала, который, впрочем, довольно спокойно относится к такой нагрузке на свою совесть.

Вначале ряд газет взял примерно такой же тон. Но жизнь и факты брали свое. Газетам пришлось постепенно менять линию и основное внимание уделять происхо-

му он с таким апломбом говорит о свободе печати в США.

Журналисты в США работают очень много. Они должны были часами простаивать, например, у здания советского посольства в Вашингтоне в холодные и ветреные вечера — на случай, если А. И. Микоян выйдет хотя бы на прогулку. Одна журналистка бесстрашно проделала большой путь по глубокому снегу в легких туфлях только для того, чтобы сделать удачный снимок. А. И. Микоян в шутку пожалел, что ей приходится так обращаться со своими ногами и на следующий день первые страницы газет украшали снимки ног этой журналистки.

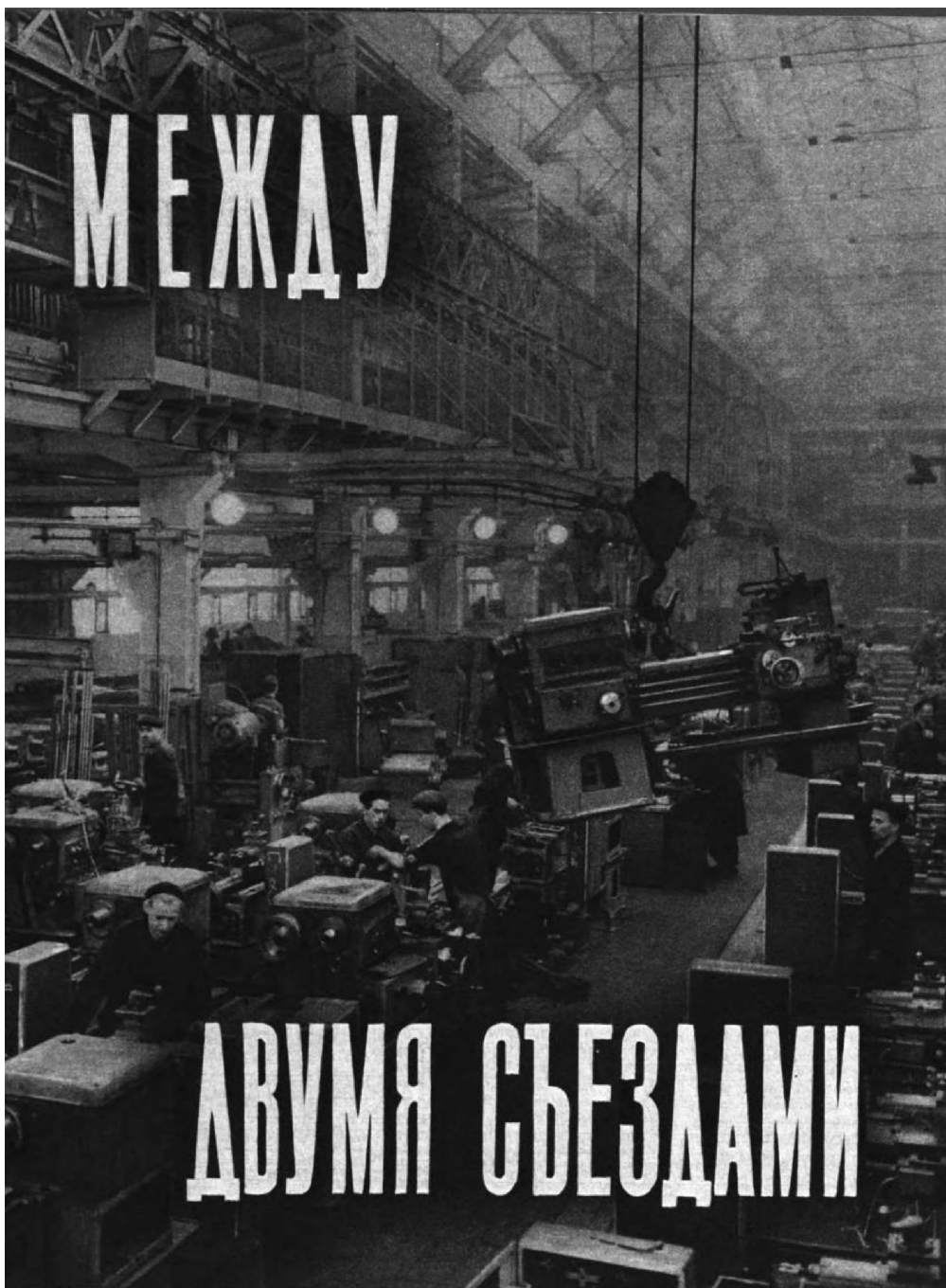
Группа корреспондентов сопровождала А. И. Микояна во время всей поездки и всюду, куда могла проникнуть. Однажды в самолете А. И. Микоян устроил журналистам «пресс-конференцию наоборот»: сам задавал вопросы, а они отвечали. Это была очень откровенная беседа, в ходе которой журналистам пришлось немало попотеть, отвечая на прямые и острые вопросы. Несмотря на различие во взглядах, беседа сопровождалась веселым смехом участников, настроенных в высшей степени дружелюбно...

Вашингтон. Встреча с юными жителями города.

Среди гостей в посольстве СССР на приеме, устроенном в честь А. И. Микояна, был и пианист Ван Клиберна.

МЕЖДУ

ДВУМЯ СЪЕЗДАМИ

«1К62» на потоке.

Николай Михайлович Кузьмин.

А. СТАРКОВ

Фото М. Озерского.

На «Красном пролетарин» последний раз я был без малого три года назад, незадолго до XX съезда партии. Помню, в заводской лаборатории шло испытание нового токарного станка «1К62», одного из пяти опытных образцов, собранных в подарок съезду. Завод только готовился тогда к серийному выпуску этой модели. Предстояла серьезная реконструкция цехов.

Потом, бывая в разных городах, я все чаще и чаще встречал «1К62» на заводах Харькова, Ленинграда, Свердловска, Горького, Куйбышева. Видел, как прочно входит в жизнь, завоевывая всеобщее признание, этот универсальный быстроходный мощный станок. Очень он прост и удобен в управлении. Радостно было за краснопролетарцев, сработавших отличную машину.

А несколько дней назад я снова побывал на заводе. Хотелось

узнать, какие изменения произошли тут за три года — от съезда до съезда. Хотелось повидаться со старыми знакомыми: и с людьми и с машинками.

На первую же встречу была с незнакомцем — с токарно-вертикальным автоматом «1272». Правда, я много слышал о нем, знал, что он увенчан высокой наградой Брюссельской выставки — «Гран-При». Но лишь сейчас впервые увидел его на заводском дворе. Станок, возвратившийся в родной дом, разгрузили с платформы. Люди любовно разглядывали машину, принесшую заводу всемирную славу...

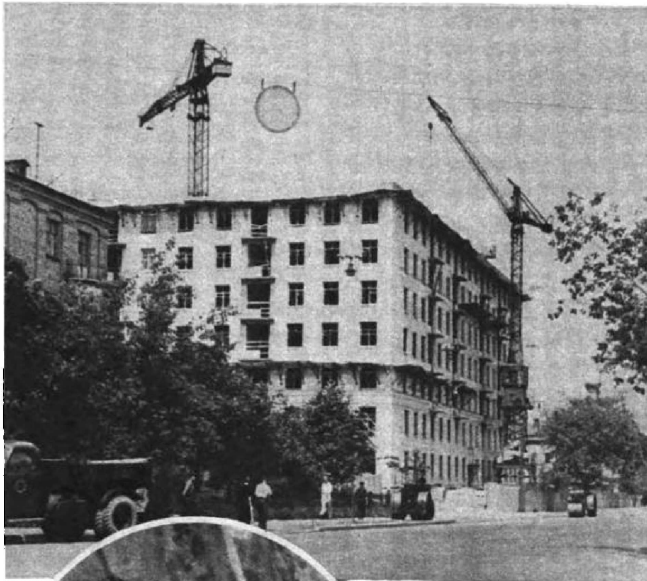
Ну, а «1К62» я увидел на конвейере, на поточной сборке. Их было много, этих близнецов. Их уже не один десяток тысяч сошел с конвейера за три года. Кроме того, как модель «1К62» окружен теперь большой дружной семьей станков, похожих на него в главной, но отличающихся в каких-то деталях. Он оказался очень податливым для трансформации, для придания ему новых функций. Он может даже в автомат превращаться. От него отпочковалось уже немало славных родичей. Очень прогрессивная машина.

Как образно сказал мне директор, Георгий Александрович Сургучев, освоение «1К62» повысило «квалификацию» всего завода. Пульсирующий конвейер, сложные агрегатные станки, автоматические линии, заправка токнами высокой частоты, горячая и холодная штамповка, внедрение пластмассовых деталей — великолепно вооружен теперь этот явно помолодевший завод, перешагнувший недавно во второй вен своего существования. Три года назад мы беседовали с делегатом XX съезда партии Николаем Михайловичем Кузьминым у станка, около которого вы видите его и сейчас — уже делегатом XXI съезда. Но станок и тот и на тот. Тогда он только что прибыл из Чехословакии, где его собрали по чертежам советских конструкторов. Это уникальный токарно-карусельный станок, которому поручают обработку огромных деталей. У него полное кнопочное управление. Но пульт был стационарный, неподвижный. Тонарь то и дело к нему бегал. А Николай Михайлович Кузьмин сконструировал выслучный подвижной пульт. И управление станком стало еще проще. Вот почему он и тот и не тот...

1956 год. Читают материалы XX съезда КПСС. Слева направо: Степан Артемьев, Виктор Истеров и Андрей Колеснев.

В. И. ЛЕНИН НА ПЕРВОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

1956 год. Строится жилой дом

Виктор Нестеров с дочкой.

Между прочим, Николай Михайлович выполнил недавно на этом станке редкую работу, и теперь изделие его рук может любоваться вся Москва... Я говорю о бронзовом постаменте памятника Дзержинскому. Это самая больших колесо, точно насаженное одно на другое. Обточить их было невероятно трудно. Станки тонкие, а диаметр огромный... Николай Михайлович исполнил это с филигранным мастерством.

Три года назад сделан снимок, на котором вы видите трех рабочих, читающих «Правду» с материалами XX съезда партии. Что произошло с этими людьми за три года? Я разыскал в цехе двоих из них: Виктора Нестерова и Степана Артемьева.

Виктор — сын полка и сын завода. Полк был авиационным, прошедший в войну от Можайска до Вены. И шел с ним Витюшка, сиротинка, подобранный бойцами в деревушка под Можайском. После войны определили его в ремесленное училище, и стал он сыном завода. Теперь сиротинка — глава семьи. Вот он с дочкой Надей. Поздравьте их с новосельем. Семья слесаря Нестерова живет в том самом доме, который снят на соседней фотографии еще на достроенном, потому что это было три года назад.

С новосельем мы можем поздравить и контролера Степана Артемьева. И еще с одним трудящимся человеком в его семье. Это сын Валерий, только что пришедший в цех учеником слесаря.

Ну, а во всем остальном, считают Нестеров и Артемьев, в их жизни не произошло изменений. «Работаем, как работали», — сказали они мне. Но, увидев фотографию, на которой они сняты три года назад, Виктор добавил: «Устарел этот ваш снимок. Вернее, станок наш устарел. Мы теперь машину получше будем выпускать. Автомат!» А Андрей Петровича Колеснева, слесаря, я в цехе не застал. Он в тот день был на строй-

корпус, и люди из цехов помогают строителям...

А вот то, о чем три года назад могли только мечтать на заводе. Автоматическая линия! Девять станков. Где-то в самом начале заглаживают круглую заготовку, а выдают готовую шестерню. И все это совершенно бесшумно. Только один из девяти — зубозакругляющий — чуть «боршочет», надавливая на зубья шестерни.

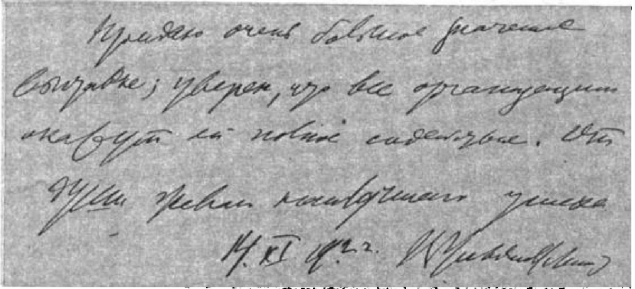
— Это наш зубозаготавливающий, — шутит комсомолец Володя Калинин, наладчик.

Он очень веселый, этот молодой человек. Он всегда в отличном расположении духа. И машинкам, думается, даже приятно подчиняться ему. Машинки тоже любят жизнерадостных, жизнестойких, умелых людей.

Здесь, на участке автоматической линии, где работает бригада коммунистического труда, мы и заканчиваем разговор об изменениях, которые произошли с заводом и его людьми за три года — от съезда до съезда.

Владимир Калинин.

«Придаю очень большое значение выставке; уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха.»

14.XI. 1922. В. Ульянов (Ленин)»

Эта записка Владимира Ильича была прислана работникам Главного выставочного комитета осенью 1922 года, когда в Москве, близ Крымского моста, на территории бывшей городской свалки, стучали топоры, визжали пилы, работали плотники, землекопы, строились павильоны Первой сельскохозяйственной выставки. А на местах — в деревнях и селах, в молодых, недавно созданных совхозах — тщательно готовились экспонаты.

Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка создавалась в стране, которая только начинала оправляться от хозяйственной разлуки, для пропаганды ленинского кооперативного плана переустройства деревни, ленинского плана электрификации.

19 августа 1923 года выставка была торжественно открыта. За два месяца ее посетило свыше 600 тысяч экскурсантов. Были показаны достижения И. В. Мичурина, созданные им новые сорта плодов и ягод.

Именно тогда началось массовое распространение опыта великого селекционера в нашем садоводстве. Выставка широко пропагандировала продуктивные породы скота, которые создавались под руководством академика Е. Ф. Лискуна. Любопытно вспомнить общественный суд, который был учинен над нашей российской буржуазкой. В присутствии экскурсантов — крестьян зоотехники и ветеринары «судили» ее за малый удой, плохое телосложение, неяркий вид. Хозяин буренушки крестьянин Селивестров, доведший корову до такого состояния, был «присужден» к обучению на краткосрочных сельскохозяйственных курсах. Вместе с тем было установлено, что при правильном уходе буренушка будет давать большие удои.

На выставке был показан впервые в нашей стране двадцатисильный трактор «Фордаон». Первый такой трактор купил за 225 червонцев председатель Кармановского машинного товарищества, Гжатского уезда, Смоленской губернии, Алфеев. Зарубежная буржуазная пресса, вначале пророчившая провал выставки, затем была вынуждена признать ее колоссальный успех. Американская газета «Нью-Йорк пост», например, оценила ее как «...самое грандиозное предприятие России в смысле воспитательном и познавательном. Иконы и лампы старой деревни заменены электрическим светом в новой». Владимир Ильич Ленин, будучи уже тяжело больным, внимательно следил за строительством выставки, за ее работой после открытия. 19 октября 1923 года, приехав из Горки в Москву, Владимир Ильич посетил выставку за два дня до ее закрытия. Ныне в память об этом знаменательном событии установлена мемориальная доска на портале главного входа в Центральный парк культуры и отдыха, на территории которого располагалась выставка.

Мемориальная доска на портале главного входа в Центральный парк культуры и отдыха.

Г. ЛЕБЕДЕВ, бывший член президиума Главного выставочного комитета. А. ХЕЯФЕЦ, бывший заведующий пресс-бюро выставки.

В ГОРОДАХ И СЕЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ с большим подъемом проходят предвыборные собрания, посвященные выдвиненным кандидатам в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Коллектив Московского электрорампового завода выдвинул своим кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Никиту Сергеевича Хрущева.

На снимке: комсомолка Галина Крапиво выступает на предвыборном собрании.

Фото Ф. Керотцевича.

60 ЛЕТ ИСПОЛНИЛОСЬ Председателю Президиума Верховного Совета Литовской ССР товарищу Юстасу Палецкису. На III съезде советских писателей Литвы в Вильнюсе писатели горячо поздравляли товарища Палецкиса — делегата съезда.

На снимке: украинский писатель В. Бычко вручает товарищу Ю. Палецкису подарок.

Фото Ю. Каценбергаса.

ПАМЯТНИК «ГРУЗИНСКОМУ ЧАПАЕВУ» — Василию Исидоровичу Кикидзе — открыт на его родине — в Кутайси. Бесстрашный командир 16-й дивизии В. И. Кикидзе погиб сорок лет назад.

Памятники работы скульпторов В. Мизандари и Г. Николадзе и архитектора Г. Топадаже воздвигнут на новой городской площади.

Фото И. Сакуи.

ПОХОДОМ ПРОТИВ ВОЙНЫ И БЕЗРАБОТИЦЫ ознаменовали грудничиеся Япония новый, 1959 год. Рабочие города Омута двинулись в столицу — Токио. Им предстоит совершить переход в тысячу четыреста километров. По пути к ним присоединяются жители других городов Японии, требующие мира и работы.

На снимке: участники похода направляются из Омуты в Фукуока.

Фото Джензл пресс.

4 ФЕВРАЛЯ ЦЕЙЛОН В ОДИННАДЦАТЫЙ РАЗ ПРАЗДНУЕТ ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ...

В какое бы время ни случилось вам побывать на этом живописном острове, всегда коносовые пальмы сгибаются под тяжестью плодов, круглый год благоухают плантации ананасов, плодоносят банановые деревья. Богатство Цейлона — это спускающиеся террасами по горным склонам плантации чая; это каучуковые, коричные, збеновые, атласные и многие другие ценные породы деревьев, посади кофеяного дерева, какао. На острове выращиваются пряности, цитрусовые, сахарный тростник, рис, хлопчат, табак, овощи. Многие из сельскохозяйственных культур дают в году по два, а нередко и три урожая. Недале Цейлона богаты полезными ископаемыми, имеются огромные возможности развития гидроэнергетики.

На улице Коломбо.

На протяжении многих лет иностранные монополии прилагали все усилия, чтобы сделать экономнику Цейлона однобокой, целиком зависящей от международного рынка чая, каучука, продуктов коносовой пальмы. Цейлон был превращен в одну огромную колониальную плантацию и при всех своих природных богатствах вынужден был прозябать в бедности. Ныне на Цейлоне все громче звучит голос народа, требующего превращения колониальной экономики в национальную.

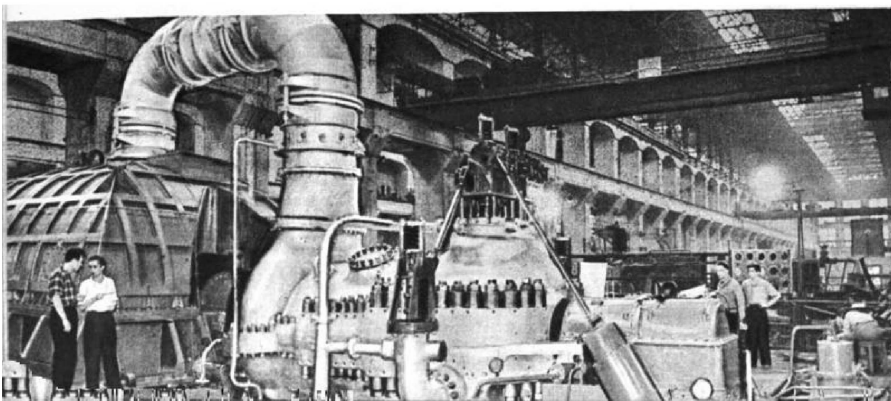
День независимости цейлонский народ отмечает в обстановке уверенности в своем будущем. Успешно осуществляются разработанные правительством Бандаранайке планы экономических и социальных мероприятий. Ведется работа по увеличению производства продовольствия, увеличивается ирригация, расчищаются джунгли. Недавно министерство промышленности Цейлона приняло программу строительства ряда новых крупных промышленных предприятий.

Цейлонская печать с удовлетворением сообщает о готовности Советского Союза, а также КНР и Чехословакии принять участие в развитии цейлонской национальной промышленности.

ПАРОВЫЕ ТУРБИНЫ МОЩНОСТЬЮ 150 ТЫСЯЧ КИЛОВАТТ начал выпускать Харьковский турбинный завод имени С. М. Кирова. Первые две турбины «ПВК-150» изготовлены в подарок XXI съезду КПСС.

На снимке: турбина «ПВК-150» на испытательном стенде.

Фото Н. Гурова.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ПЕЧАТНЫХ КНИГ, изданных в России, «Псалтырь», обнаружена в хранилище Ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Книга напечатана в московской анонимной типографии, которая существовала в середине XVI века.

Фото Б. Уткина.

Участники декабрьского Пленума Центрального Комитета КПСС (слева направо): Е. И. Андреева — председатель колхоза имени Коминтерна, Тамбовской области; Н. Ф. Мануновский — механизатор колхоза имени Кирова, Воронежской области; А. В. Гиталов — дважды Герой Социалистического Труда, бригадир колхоза имени XX съезда партии, Кировоградской области; Т. С. Мальцев — Герой Социалистического Труда, полевод колхоза «Заветы Ленина», Курганской области, почетный академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Фото Я. Рюмкина.

Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат в Казахстане. Комсомолец Анатолий Пузинов работает на сварке конструкций.
Фото Н. Маторина.

Тетя Феня

Рассказ

К. ИРОШНИКОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Тетя Феня — вдова. Живет вдвоем с дочерью Светланой. Работает уборщицей в заводском общежитии.

Она невысокая, худенькая, средних лет женщина, с застенчивой, девичьей улыбкой, с душевным украинским говорком, с теплыми карими глазами на привадавшем уже лице.

Общежитие, в котором работает тетя Феня, помещается в одноэтажном бараке. Раньше жили в нем заводские девочки, и тогда, кроме тети Фени, были еще уборщицы. И дежурные, и воспитательница, и комендант.

Теперь девчат со всем этим штатом перевели во вновь отстроенный корпус, а барак предназначили к сносу. Одну половину его, которая подрыхла, заколотили досками, в другую временно стали селить приезжающих на производственную практику студентов. Обслуживать их оставили тетю Фению, поскольку живет она в этом же бараке.

Характер у тети Фени уступчивый. К людям она уважительна и охотно со всеми соглашается. Но с Кондрашкиным, который ведет снабжением всех заводских общежитий, тетя Феня воюет нещадно: за стекла, которые Кондрашкин не считает нужным вставлять, поскольку барак предназначен к сносу; за уголь, который подвозят нерегулярно, а тетя Феня любит топить плитку так, чтобы был всегда кипятилок, потому что студенты работают в разных сменах; но, главное, так как дело идет уже к осени, — за одеяла.

— Воны ж мерзнут, — имея в виду приезжих студентов, укоризненно говорит тетя Феня заглянувшему к ней в барак Кондрашкину. — Воны ж побелеют. Ночи ж уже холодные, а одеяла тоненьки, аж свитается. Каков от них тепло!

— Пускай с собой возят! — отвергает ее притязания краснотлицый прижимистый Кондрашкин. — Пускай не надеются. Не к тебе в гости приехали, у меня одеял для своих, для заводских, не хватает.

— Та разве ж они чужие? — искренне удивляется тетя Феня. — Наши ж, советские ребята, так само, как заводские. И мерзнут так же. А что одеял у вас нету, так вы, Семен Петрович, мабуть, не в курсе. На складе целая гора одеял. От ей-богу! Я ж своими очима бачила! — На бога, которого нет, ссылаться нечего! — говорит настаивательно Кондрашкин. — И на склад тебе, Фекла, соваться нечего! — Голос его обрывает силу. — На складе, могу тебе разъяснить, не одеяла лежат, а резерв. Поскольку начальство запретило их выдавать!

— Это, мабуть, Гуляева из ЖКО такие фокусы строят, — делает неожиданный вывод тетя Феня. — Чи вы доказать ей не можете? Что ж она за начальство, что барает одеяла, а за людей не думает! — И добавляет решительно: — От я сама к ней схожу, Семен Петрович!

— С правильной установкой, мамка, живешь! — одобряет тетю Фению слышавшая эту перепалку Светлана. И советует: — Ты, когда будешь с Гуляевой говорить, прямо ссылайся на Маяковского. Знаешь, как Маяковский сказал! Нельзя, — Светлана делает ударение на этом, — нельзя!

...для человека жалеть
ни одеяла, ни ласки.

Давай запишу, чтоб ты не забыла.

— Мама какая хорошая у тебя, заботливая! — говорят Светлане приезжие девушки-студентки, получив наконец отовоеванные тетей Феней теплые одеяла.

— Хорошая! — охотно подтверждает Светлана. Но справедливости ради не забывает отметить: — Только не очень... сознательная еще. Особенно, если дело касается меня.

Светлана работает на заводе станочницей в автоматном-токарном цехе, и Полина Мухина работает там же.

Полина — грузная, рыхлая, немолодая, с белесоватыми, не лишенными приятности лицом, с блестящими, как стекляшки, выцветшими голубыми глазами. Светлые, седоватые волосы ее выбиваются из-под косынки. Губы пухлые и постоянно в работе: то Полина облизывает их, то прижимает ими смачно, со вкусом.

Репутация у Мухиной неважная. Говорят, что раньше Полина работала в буфете, да оказалась на руку не чиста. Хотя дело до суда не дошло, из треста столовых ее за это уволили. Сама же Полина утверждает, что за критику. Поскольку, мол, она молчать не приучена, а начальство не приучено к критике. Поди разберись!

Светлане Мухина неприятна. Въедливая! Лезет в душу, во все суется. Светлана ни за что бы не допустила ее в свой дом и не познакомилась бы с матерью, да случилось так, что Мухина сама завилась к ним однажды. Мастер ей поручил предупредить Светлану, чтобы вышла та на работу не утром, как следовало по графику, а в ночь — заменить кого-то из заболевших.

Светлану Мухина не застала. Дома была одна тетя Феня. Пришла с работы и собиралась обедать. На столе в кастрюле дымился горячий борщ.

Передав тетю Феню, что нужно, Мухина уходила, однако, не торопилась: цепкими, приматливыми глазами оглядывала комнату.

Крохотная! А уютно. И нигде ни пылинки. Белое, накрахмаленное, кажется, до хруста покрывало на кровати. Ослепительно белые наволочки и кружевной подзор. На столе веселенькая, в клетку, клеенка. Вместо занавесей вышитые крестом крушники. И еще золотые головки подсолнухов за окном словно отсвет бросают в комнату.

— Ничего, аккуратно живете! — одобрила Полина. — Но теснота, теснота! Два человека вошли — третьему уже не протиснуться!

— Не жалеемся! — сдержанно ответила тетя Феня. Она расстроилась. Всю неделю Светлана работала в ночной смене, а теперь и эту ночь тоже не придется ей спать! Но посчитала нужным все-таки объяснить: — Барак наш несут к зиме, в новый дом переедем, там попросторнее будет.

— Жди, надейся! — поджала губы Полина. — Пока все начальство себя квартирами обеспечит...

— Муж? — И придвинулась поближе к окну, чтобы рассмотреть.

Открытое, как у Светланы, лицо с такой же,

как у нее, чуть выдавшейся вперед стремительной линией подбородка. Под густыми споконными бровями смеются глаза.

— Красивый! — определила Полина. — Дочка-то, видно, не в тебя, а в него.

— Она и характером в него, — не выдержала, откликнулась тетя Феня, хоть развязность Полины ее корбила. — Такая ж самостоятельная.

— Только ты Светлану напрасно пустила на завод, — вшая фотографию на место, заметила Полина. — Девять классов окончила девочка, так не могла ты ее получше пристроить. — И вздохнула: — Это уж, если кому другого выхода нет!

Тетя Феня сразу разволновалась:

— Та разве ж я ей не говорила! Как же я просила ее, как плакала... Она ж поначалу устроилась в пошивочной мастерской. Дело ж это как раз для девушки. И сама всегда будет одета и диточек своих впоследствии обощет... Так не скотала. Сама пошла на завод, не спросилась даже...

— А ты допустила! — упрекнула Полина. — Что она еще понимает в жизни? Ты должна решить за нее. Ты мать!

— Та чего ж это мы стоим, борщ ж стынет! — спохватилась вдруг тетя Феня, расстроившись интересом Полины к судьбе своей дочери, и лигмом поставила перед Мухиной тарелку с борщом.

Полина не отказалась.

— Я б ее, знаешь, куда направил, Светлану твою, — неторопливо хлебав борщ, рассуждала она, — а б ее направил... в торговую сеть, поскольку биография у нее для торговой сети пока еще вполне подходящая. А что ты думаешь? Например, газировкою торговать. Плохо ли? Где-либо на скверике, в тенечке, сидит себе, как голубка. В промежутках поит народ. А так вышывает или же важет, что там ей больше по душе. Не работа — законный отдых. К тому же, если обратиться умнючи, — осторожно добавила Полина, — можно и на зиму кое-что... подсобить.

Тетя Феня вежливо промолчала. Нет, газировкою торговать Светлана, конечно, не пойдет! Да и ее, тетю Феню, это совсем не прельщает. Иное дело — пошивочная. Останься Светлана там — стала бы она мастерицей, а потом, возможно, закройщицей: она ж способная... Но, может, Полина еще что-либо придумает? Видно, она человек бывалый...

За обедом, за чаем, за разговорами досидели до сумерек. Света не закигали. Розоватое вечернее небо вплотную придвинулось к окну. Многие выспростила у тети Фени Полина. Выяснила, что муж тети Фени и старший сын ее, мальчик совсем еще, оба погибли в партизанах на Украине, что в Энкс тети Феня приехала по вербовке в первый послевоенный год.

— Мы б и там, и в колхозе, со Светланкою жить могли, — словно бы рассуждала вслух тетя Феня. — Отстроится б нам помогли, как семье погибшего, и корову, возможно, дали. Только знаешь, Полина, покой не было б все равно, душа все время болела б... Как увяжи ребят, что с сыном моим росли... А тут еще и мужичины, кто уцелел, стали вертаться с фронта. Тоже ж товарищи погибшему мужу воюму. Зимой еще ничего. Зимой меньше видно людей. Холодно. Так все по своим землянкам сидят, бо хаты ж наши сожгли фашисты. А как потеплело... Ну, все тогда в анду. Которые женщины с мужьями, которые ожидают мужей, надеются. Мы же со Светланкою одни-одни... Только горе наше при нас...

— Вот и правда ведь говорят, что одна голова не бедна... — словно бы на себе примеряя, что пришлось пережить тете Фене, вздохнула сочувственно Полина. Она была безмужняя и бездетная...

— Подумали мы со Светланкою, посоветовались, она хоть и малое дитя, а вроде мы с нею и тогда уже все совместно решали, и за вербовалась я сюда на завод...

— Вот этого, Фекла, я понять уже не могу, — перебила ее Полина. — Как же ты на это решилась? Женщина, можно сказать, в летах. Всю жизнь прожила в деревне. Ребятенок маленький. Так бросила ее и кинулась неизвестно куда. Не побоялась...

— А чего бояться? — пожалла плечами тетя Феня. — Всюду же люди живут!

— И не жалела потом?

— Та нет, Полюшка, не жалея! Здесь мне как-то полегало, только я еще долго... какая-то... ну, не такая была. Ну, знаешь, вроде как бы... закамелая. Среди людей, как в лесу! Конечно, со всеми обращаю, ну различия между ними не замечаю. Все, все для меня одинаковые, так само, как деревья в лесу. Вот только теперь отошла немножко...

Пришла Светлана, с ходу включила свет и, увидев Полину, сразу потемнела лицом.

— Беседуешь! Накормила бы лучше, мамка, рабочего человека!

А когда Полина ушла, сказала матери:

— Ты, мамка, к нашему дому ее не приучай. По-моему, она нехорошая...

Но Полина с этого вечера не обходила тетю Феню своим вниманием. Тетя Феня же не могла без явной на то причины оттолкнуть и обидеть человека.

Как-то раз тетя Феня заболела. Лежала маленькая, худенькая, как девочка, на высоких своих подушках и все порывалась встать.

— Та мне ж уже легче, Светланочка! Та рабочему ж человеку вредно залеживаться. Та эта ж Настенька (уборщица, которую Кондрашкин прислал заменять тетю Феню), чтоб ей туго было, второй день не моет полы в общежитии. Вон же там позарастанут грязью! Однажды, вернувшись с работы, Светлана застала в комнате высокого сутуловатого мужчину в ащветшей гимнастерке. Проглядев-шись, она узнала его: вахтер. Пропуска проверяет в заводской проходной. И удивилась. Чего это он пожаловал?

Он стоял у кровати тети Фени, держа фуражку в руках, словно бы собираясь уходить, а тетя Феня лежала, маленькая и строгая, под натянутым по самое горло одеялом.

Ничего не зная еще, но подозревая недоброе, чувствуя, что без Мухиной здесь не обойтись, Светлана поздоровалась и, сразу же отвернувшись, стала выкладывать покупки.

— Ну, поправляйся, Феня,— прощаясь, сказал вахтер и со значением добавил: — Буде тебя ожидать!

Тетя Феня ответила сдержанно:

— Спасибо, Иван Егграфович! Поправлюсь, заведом как-нибудь... со Светланочкой.

А когда стихли за дверью шаги вахтера, тетя Феня певуче сказала:

— Же-ахил! — И улыбка, совсем молодая, озорная, лукавая, осветила ее лицо.

Светает тетю Феню за Ивана Егграфовича (он одолев недавно и имеет намерение жениться) в самом деле Полина Мухина.

— За таким человеком, Фекла, как за скалой! — выманив тетю Феню в палисадник под липу, поскольку Светлана дома, с чувством разъяряется Полина. — Ты не гляди, что он всего лишь вахтер и зарплата вроде бы низкая. Он, моя милая, не на зарплату живет, он главный доход для жизни в хозяйстве ищет, через то и пошел вахтером. День работает, день гуляет, для хозяйства это очень даже подходит...

О хозяйстве Ивана Егграфовича Полина рассказывает обстоятельно и со вкусом.

— Дом у него в поселке, где я живу. Учаток и огород, коза и прочая птица. В доме, что надо для жизни, есть: взяты из мебели или же из посуды. И одежда осталась от покойной жены! Так что, Фекла, на все готовое! Ну?! Так это плохо тебе? — Она смачно облизывает пухлые губы.

— Да ведь какой человек... — говорит задумчиво тетя Феня. — Вперед всего, Поля, на это надо смотреть.

— Уж какой бы, Феклушка, ни был,— поводит плечами Полина,— а если и у него, как у тебя, ничего за душой, какая с ним семейная жизнь будет? — И убежденно доказывает: — Иван Егграфович может еще призадуматься, тебе ж, Фекла, я считаю, и думать нечего. Такой случай! По нашему времени, когда на мужиков дефицит, кому-нибудь рассказать — не поверят! Чтобы одинокий, зажиточный — и не кидался на бабу, как жеребец! Чтобы в законный бракступить был не против! Ну?! — Она с насмешливым любопытством поглядывает на тетю Феню. — Или, может, у тебя министр какой на примете? Лауреат! Перспектива какая особенная! Что? Молчишь? А я подкажу. Дело-то, Феклушка, к старости идет! Думашь, дочка старость твою согреет? Как же! Надейся, жди!

Тетя Феня вздыхает. Одинокая старость и впрямь пугает ее. На Светланку она, конечно, надеется. Светланка мать не оставит. Но... Что же ей, грой висеть на дочери, да и... разве только в старости дело!

— А он-то... видел меня? — Тетя Феня краснеет.

— Ох и чудачка ты, Фекла, как я погляжу! — Заметив это, Полина снисходительно усмехается. — Детства в тебе много еще или какой-то неразвитости. Ну, что вы, молоденькие, чтобы друг друга разглядывать? Что он, не видя, не разберется по показателям, годишься ты ему или нет? — И растолковывает: — Ты как есть деревенская, значит, и земля, к хозяйству приучена. В работе ты до глупости безотказная. Одинокая, то есть в смысле родни: мать или там отец, этот хвост за тобой не тянется. А что дочка, та дочка сама себя совершенно оправдывает и даже в дом еще может внести! Из себя ты тоже не скажешь чтоб уродка, — беспощадно перечисляет ее прегрешения Полина. И замечает лишь напоследок: — А вообще-то он тебя видел. Я показывала. Помнишь, третья дня мы с тобой в булочной за хлебом вместе стояли!

— Ну? — спрашивает, волнуясь, тетя Феня. — Что «ну»? Одобрил! Иначе к чему бы и разговор?

Ивана Егграфовича тетя Феня тогда еще тоже видела мельком и больше со спины. Полина ей показала, но знакомить в тот раз не захотела: «Видишь, с работы идет человек, двенадцать часов на ногах отстоял. Какое уж тут жениховство!»

Иван Егграфович шел усталю, спутулившись. Тете Фене он показался запущенным, неухоженным.

«Придет домой человек, в хате пусто, накормить и пригнать некому», — жалостливо подумала она. И еще подумала: «Полина как понимает, так и говорит». Тетя Феня знала ей цену. Но ведь может случиться, что вот познакомится они с этим самым Иваном Егграфовичем и уж какая там ни на есть в их годы, а возникнет между ними любовь! Или так еще даже может быть — тетя Феня была мечтательница, — что Иван Егграфович ее, Феню, и без Полины приметил, только как подступиться, не знал. Так не станет же он об этом Полине рассказывать, разве ж она поймет?

А когда тетя Феня болела и Иван Егграфович, с которым только-только познакомилась перед этим Полина, идя со сменой, неожиданно заглянул к ним, извинился, что так, без спросу, и, поставив на тумбочку банку меда, сказал: «Ты его, Феня, с молоком горячим мешай и пей. Грудь облегчает сразу», — тетя Феня, растрогавшись, укрепились в своей догадке.

Когда тетя Феня поправилась, Полина принялась ее уговаривать, чтоб она побывала у жениха: «Все сама разглядишь на месте, уверишься!»

Так уж сразу смотри! Тете Фене хотелось совсем много: чтоб Иван Егграфович сам зашел к ним, как в первый раз. Шел бы с ра-

боты вечером и зашел. Вышли бы они, возможно, тогда в палисадник, посидели под липой. И чтоб ночь была тихая. И луна. И долгие разговоры. Такие, чтоб теплое от них на сердце, поманнее становилось для тебя человек! Что же, что не молоденькие? Сколько б ни было прожито, разве можно без этого? Но Иван Егграфович больше не заходил. Может, правда, как говорила Полина, ожидал ее, Феню! Она ведь пообещала!

— Поедем, посмотрим, детонька! — говорит однажды тетя Феня Светлана.

Светлана хмурится:

— Я зачем! Тебя светают, ты и езжай... с Полиной!

— От тоби маешь! — Тетя Феня искренне огорчается. — Кто же мне посоветует, Светланочка, как не ты? Мы же все с тобой совместно решаем. Поправится нам... так, что же! А не поправится...

Светлана только крепче сжимает губы. Она скрытная. Своего отношения к этому световому не вывеляет никак: «Смотри сама! Как тебе лучше, мама...»

В воскресенье Светлана и тетя Феня выбирают к Ивану Егграфовичу.

До поселка едут электрорездом. В вагоне молчат. Светлана уткнулась в книгу. Тетя Феня задумчиво смотрит в окно. И почему-то обам грустно.

Но когда они сходят на платформу и в глаза им вдруг ударяет голубое, не заслоненное никакими строениями небо, тетя Феня тихонько ахает:

— Как же тут хорошо, Светланка! И землей пахнет! Я ж уже и забыла, как пахнет землей!

В поселковых улочках стоит прохладная тишина. От свежескошенной, разбросанной у дворов для просушки травы поднимаются горьковатые медовые запахи.

Тетя Феня шагает быстро легкой своей походкой. Раскрасневшись и словно бы ослепев от воздуха, она все старается по внешнему виду угадать, который же дом Ивана Егграфовича.

— Мабуть, оцей, Светланочка, — говорит она, вся светясь счастливым своим предчувствием, и показывает на маленький, в зелени, в зарослях золотых шаров домишко. — Я думаю, що оцей. А ну подивись на номер! — Однако дом этот значится под номером двадцать пятым. Иван же Егграфович проживает в сорок втором.

Впрочем, им почти не приходится искать. Из какого-то переулка выплывает Полина Мухина. Она приоделась — в новом цветастом платье и такой же косынке на седоватых уже волосах. Здоровается, оглядывая придирчиво тетю Феню:

— Новую какую-то жакетку надела! — и шуршит материей. — Бумага! А все же имеет вид.

Они подходят к дому Ивана Егграфовича. Окна в доме закрыты наглухо, хоть на улице и тепло. Стекла без занавески, отсвечивают. И от этого кажется, что внутри темнота. Перед домом разлапистая старая аль. А цветов на участке нету.

Сам Иван Егграфович — это видно через забор — строгае у колодца какие-то доски. Лежит, завиваясь, стружка из-под его больших, уверенных рук.

— Рабочий человек! — наблюдая за ним, с какой-то особой интонацией говорит тетя Феня.

— Крышу к колодцу делает, — охотно поясняет Полина. — Хочет колодец запереть на замок. Вырыл недавно на участке колодец, так покою совсем лишился. Люди до дермовошники охочи — ходят и ходят, удержку нет. Другой-то колодец много подальше будет.

Почуя чужих, из будки с оглушительным лавом выскакивает большой, как теленок, свирепого вида пёс.

Иван Егграфович поднимает голову, видит гостей за забором и, цыкнув на пса, кладет рубанок. Потом поливает из висельного у колодца ведра себе на руки и, неторопливо оправляя на ходу гимнастерку, идет к калитке. «Уж и приодеться не мога! — обижено думает Светлана. В этой выцветшей от пота и времени гимнастерке она постоянно видит его на заводе.

Стараясь просунуть свою бородастую морду сквозь загородку, блеет коза. Суетятся куры,